

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2025), 186–199
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2025), 186–199
© Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-1-87-186–199

ИЗ ИСТОРИИ АФИНСКИХ ОЛИГАРХИЧЕСКИХ ПЕРЕВОРОТОВ КОНЦА V в. до н.э. II. ДЕМАГОГИ И ИХ ПРОТИВНИКИ В 410-х гг. до н.э.

И.Е. Суриков

*Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

Аннотация. Данная работа продолжает цикл статей, посвященный антидемократическим переворотам в Афинах конца V в. до н.э. и их историческому значению. Известно, что лагерь афинских олигархов периода Пелопоннесской войны был крайне разнороден, что не способствовало его сплоченности. В статье поднимается вопрос, отличался ли однородностью противоположный лагерь, представленный демагогами, и делается вывод, что ответ на этот вопрос должен быть скорее отрицательным. Согласно расхожему мнению, все демагоги были такими, как Клеон – в 420-х гг. до н.э. самый яркий образчик этого типа политика. Однако уже демагоги 410-х гг. до н.э., как показано в статье на просопографических данных, имели ряд отличий от своих предшественников (хотя были между ними и черты сходства). Демагог нового типа уже, как правило, не является нуворишем-парвеню; он принадлежит к кругам более уважаемым, может быть даже связан со знатью, хотя и не самого высокого уровня. Он, в отличие от Клеона, почти никогда не стремится быть стратегом, отличаться на военном поприще; его родная среда – это судебная сфера. Суды в «эру охлократии» часто становились средством сведения политических счетов. Инициаторами такого развития ситуации были радикальные демократы; но их противники перенимали те же методы, что особенно заметно на примере Антифонта.

Ключевые слова: классическая Греция, Афины, олигархия, демократия, перевороты, Пелопоннесская война, демагоги, Антифонт, Филин, судебные процессы

Повторим два тезиса, которые были высказаны в предыдущей статье данного цикла¹ и от которых мы далее будем отталкиваться. Во-первых, олигархическое движение в Афинах началось не с самых первых лет Пелопоннесской войны, хотя

Данные об авторе. Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00024, <https://rscf.ru/project/23-28-00024/>

¹ Суриков 2024.

стремительная радикализация демократии и резкое возрастание политической роли демагогов имели место буквально с самого момента смерти Перикла. В 420-х гг. до н.э. для тех афинян, кому не мило было демократическое устройство, характерна скорее оппортунистическая позиция, ярко проявляющаяся в «Афинской политике» Псевдо-Ксенофонта²: демократия, будучи в принципе дурным, недостойным строем, конкретно в Афинах выполняет свои функции настолько эффективно, что приходится с ней мириться. Никаких методов борьбы с ней автор-олигарх не выдвигает; тем, кому жить при демократии представляется совсем уже неприемлемым, подспудно предлагается разве что такой вариант, как эмиграция в какой-нибудь олигархический полис (Ps.-Xen. Ath. pol. 2. 20). Итак, демократия – даже вырождающаяся в охлократию – сохраняла поддержку, пока государство находилось на пути успехов.

Во-вторых, говоря о самом олигархическом движении на том этапе, когда оно уже активизировалось, мы отмечаем его сугубую неоднородность. Сплачивалось оно в основном «негативным консенсусом» против охлократии и демагогов. В его рядах были и убежденные аристократы-лаконофилы (Критий), воистину фанатики идеи, готовые ради нее пролить большую кровь (и действительно пролившие ее в 404–403 гг. до н.э.³, и некоторые из прежних демагогов, переметнувшиеся в противоположный лагерь (Писандр, Харикл), и военные, недовольные некомпетентными стратегическими решениями экклесии (Фриних), и рафинированные интеллектуалы с их традиционным презрением к пресловутой невежественной «черни» (Антифонт), и поборники законности, постоянно нарушавшейся демосом (Ферамен).

Эта неоднородность так называемых олигархов была чревата расколами в их среде, каковые действительно регулярно происходили. Позволительно, однако, поставить вопрос: а был ли монолитным противоположный лагерь? Можно ли сказать, что все демагоги – «на одно лицо»? На первый взгляд именно такое впечатление и складывается, и лицом этим оказывается малосимпатичное лицо Клеона, признающегося обычно самым характерным и рельефным воплощением демагога. Человек, не принадлежащий к аристократическим кругам, при этом обладающий значительным состоянием, источником которого является, выражаясь современным языком, бизнес; политик-популист, который воспринимается народной массой как «свой в доску»⁴, который опускается до уровня толпы, говорит на ее языке, который поэтому понятен ей и тем самым симпатичен... Как будто специально о таких написано в «Политике» Аристотеля (Arist. Pol. IV. 1292a4–36), в известном пассаже о «крайней демократии» (ἡ δημοκρατία ἡ ἐσχάτη)⁵: «...простой народ, являясь монархом, стремится и управлять по-монаршему (ибо в этом случае закон им не управляет) и становится деспотом (почему и льстецы у него в почете)... Демагоги и льстецы, в сущности, одно и то же или во всяком случае схожи друг с другом; и те и другие имеют огромную силу – льстецы у тиранов, демагоги у описанной нами демократии. Они повинны в том, что решающее значение

² Rhodes 2015, 29.

³ Wolpert 2006.

⁴ Суриков 2011, 82.

⁵ В первой статье цикла мы констатировали: «Исследователи единодушны в том, что, говоря о “крайней демократии”, Стагирит описывает именно афинскую демократию последней трети V в. до н.э.». Недавно нам попало-таки одно исключение: Joyce 2022, 91.

предоставляется не законам, а постановлениям народа, так как демагоги отдают на его решение всё. И выходит так, что демагоги становятся могущественными вследствие сосредоточения верховной власти в руках народа, а они властвуют над его мнениями, так как народная масса находится у них в послушании».

Итак, будет ли верным утверждение, что все демагоги были, так сказать, Клеонами того или иного масштаба? Нам представляется, что оно будет в целом соответствовать действительности для 420-х гг. до н.э., а вот демагоги следующего десятилетия представляли собой уже более сложную картину. Попробуем обосновать это утверждение. Клеона часто называют первым демагогом. Так ли это? Даже если оставить в стороне точку зрения Аристотеля, для которого уже Перикл – демагог⁶, и обратиться к авторам, современным эпохе Пелопоннесской войны, мы увидим, что для комедиографа Аристофана Клеон – не первый, а третий в ряду демагогов. В появляющемся во «Всадниках» (424 г. до н.э.) пародийном пророчестве сказано (Aristoph. Equ. 129 sqq.):

– В начале всех начал пенькой торгующий (στυππειοπώλης)

Придет и встанет у кормила города.

– Один уж есть торговец. Кто ж потом придет?

– Другой, и будет торговать он овцами (προβατοπώλης)

– Еще торговец! С этим что же станется?

– Пока другого не найдут, мерзейшего,

Он править будет, а потом провалится.

Кожевник-пафлагонец (βυρσοπώλης ὁ Παφλαγών) вслед
за ним придет,

Буйан, горлан, как мельница, грохочущий.

В том, что под «кожевником» (в оригинале, собственно, стоит «торговец кожами») имеется в виду Клеон, сомнений не возникает. Что же касается двух его предшественников, схолиасты поясняют, что имеются в виду демагоги Евкрат и Лисикл. Оба они, в отличие от часто фигурирующего в источниках Клеона, – персонажи малоизвестные. То крайне немного, что известно о Евкрате, собрано в «Аттической просопографии» И. Кирхнера⁷. Правда, этот ученый не был уверен в том, следует отождествлять Евкрата-демагога с Евкратом, который, по эпиграфическим данным (IG. I³. 365. 5), был стратегом в 432/431 г. до н.э.; но ныне это считается доказанным⁸. В таком случае, перед нами вырисовывается небезынтересный факт: оказывается, что Евкрат начал свою военную и политическую карьеру еще при Перикле. В дальнейшем он в нарративной традиции вообще не фигурирует; можно допустить, что он был убит в самом начале Пелопоннесской войны.

О Лисикле информации больше. Он настолько желал стать лидером полиса, что после смерти Перикла стал сожительствова с Аспасией (Plut. Pericl. 24). Возможно, ему и суждена была бы громкая политическая карьера: в 428/427 г. до н.э. он был избран стратегом⁹. Однако, будучи отправлен во главе эскадры в экспедицию в Карию, он там погиб (Thuc. III. 19. 2). Тогда-то на первый план и вы-

⁶ «После этого в качестве демагога выступил Перикл... Также и жалование в судах ввел впервые Перикл, употребляя демагогический прием» (Arist. Ath. pol. 27. 1–3).

⁷ Kirchner 1901, 373.

⁸ Develin 2003, 102.

⁹ Develin 2003, 123.

двинулся Клеон, хотя политическую активность он тоже проявлял еще при жизни Перикла¹⁰.

Между тремя фигурами, о которых только что шла речь, налицо несомненные черты сходства. Все трое – люди незнатные, но богатые. Все трое – выходцы из торгово-ремесленной среды. Все трое хотят занимать лидерские позиции в полисе и с этой целью стремятся быть избранными на высокие должности, прежде всего на должность стратега. Почему именно на эту должность (чем они фактически начинали военную карьеру, не будучи при этом военными людьми) – об этом было сказано в нашей первой статье, и повторяться мы не будем.

Клеон, правда, впервые стал стратегом несколько позже, чем первые два демагога. Когда конкретно это произошло? Ответ зависит от решения вопроса о том, в каком статусе он командовал операцией по захвату спартиатов на Сфактерии в 425 г. до н.э., а вопрос этот является дискуссионным, и единства мнений по нему нет. Фукидид, рассказывая об операции, не называет Клеона стратегом (Thuc. IV. 29. 1); по мнению одних специалистов, он таковым и не являлся¹¹, а получил какое-то специальное назначение¹². Другие с ними не согласны; в частности, Р. Девелин все-таки включает его в коллегию стратегов 425/424 г. до н.э., – видимо, в качестве дополнительно избранного члена¹³. Во всяком случае, уже точно известно, что он неизменно входил в состав этой коллегии на протяжении нескольких последующих лет: 424/423, 423/422 и 422/421 гг. до н.э., то есть до самой своей смерти.

В ранге стратега он и погиб при Амфиполе, как до него погиб Лисикл, а еще раньше, возможно, и Евкрат, как мы предположили (иначе трудно объяснить его внезапное исчезновение с политической сцены). Пожалуй, тут можно констатировать еще одну черту сходства: демагоги 420-х гг. до н.э., действуя в несвойственном им качестве полководцев, по недостатку военного опыта и соответствующих способностей терпели неудачи.

Что же можно сказать о пришедших им на смену демагогах 410-х гг. до н.э.? Прежде всего бросается в глаза, что они уже, как правило, не стремятся стать стратегами. Правда, применительно к Гиперболу, самому знаменитому из них, была высказана мысль (в сугубо гипотетической форме, что подчеркивается знаком вопроса), что он занимал эту должность уже в 425/424 г. до н.э.¹⁴ Однако это предположение представляется в высшей степени маловероятным¹⁵, тем более что оно основывается только на какой-то шутке Аристофана по адресу Гипербола (Aristoph. Equ. 1303–1304).

Следует сказать, что Гипербол¹⁶, деятельность которого началась еще в 420-х гг. до н.э., выступает своего рода переходной фигурой, чертами своей личности в немалой степени напоминающая демагогов «Клеоновой генерации». Он тоже

¹⁰ Суриков 2008, 339.

¹¹ Fornara 1971, 59.

¹² Карпюк 1994, 44.

¹³ Develin 2003, 130.

¹⁴ Develin 2003, 130.

¹⁵ В монографическом исследовании Ч. Форнары, специально посвященном истории афинской коллегии стратегов в V в. до н.э., имя Гипербола в числе стратегов 425/424 г. до н.э. (список см.: Fornara 1971, 59) не значится.

¹⁶ Гиперболу, «человеку негодному», в свое время была посвящена важная статья С.Г. Карпюка (Карпюк 1998), в которой сведены воедино все основные источниковые данные об этом демагоге. Разумеется, мы активно используем этот материал.

незнатен и богат; он тоже выходец из торгово-ремесленной среды. Если Клеон у Аристофана – «кожевник» и «торговец кожами», то Гипербол у того же комедиографа – «ламповщик» (λυχνοπτοῖος, Aristoph. Pax 690) и «торговец лампами» (λυχνοπώλης, Aristoph. Equ. 739). Античные авторы регулярно попрекают его низкородным происхождением¹⁷.

Остальные же демагоги этого времени, вступившие на политическую стезю уже в 410-х гг. до н.э., представляются персонажами не столь однозначными. Возьмем такого видного их представителя, как Андрокл. Этот человек в 415 г. до н.э. проявил себя как яростный враг Алкивиада, один из инициаторов раздувания дела о профанации мистерий (Plut. Alc. 19). В 411 г. до н.э., в ходе подготовки переворота Четырехсот, он стал жертвой политического убийства, подготовленного сторонниками олигархии (Thuc. VIII. 65. 2). Что интересно, примерно тогда же был убит и Гипербол, ранее подвергнутый остракизму и проживавший на Самосе. Андрокл был, видимо, неплохим оратором, способным на остроумные обороты речи (один из примеров см.: Arist. Rhet. II. 1400a9 sqq.).

Неизвестно о каких-либо его связях с торгово-ремесленной средой. Судя по всему, таковых и не было. Во всяком случае, комедиограф Кратин (ар. schol. Aristoph. Vesp. 1187) охарактеризовал его как «нищего» (πτωχός). Конечно, это, скорее всего, одно из гротескных преувеличений, столь характерных для аттической комедии; но шарж всегда должен отражать, хотя бы и в искаженной форме, какую-то реальную особенность шаржируемого лица, и можно сделать вывод, что богачом Андрокл, несомненно, не являлся. Много выпадов можно встретить в комедии против тех же Клеона или Гипербола, но уж нищими их точно никто и никогда не называл. А Андрокла другой представитель комического жанра, Экфантид (ар. schol. Aristoph. Vesp. loc. cit.), даже обругал уличным карманным воров, буквально – «срезывателем кошельков» (βαλλαντιότομος). Очередная карикатура, но главное – в том, что приписываемое здесь демагогу занятие ассоциируется ни в коем случае не с людьми сколько-нибудь состоятельными.

Что можно сказать о происхождении Андрокла? На первый взгляд, оно было таким же, как у тех демагогов, о которых шла речь выше, то есть незнатным. В комедиях он – «раб» (δοῦλος, schol. Aristoph. Vesp. loc. cit.). Но здесь, насколько можно судить, просто эксплуатируется определенный штамп, уже отковавшийся в общественном мнении в связи с такими, как Клеон: раз демагог, значит, «из простых» (см. ниже то, что будет сказано в связи с Клеофонтом). Однако, изучая в свое время этот сюжет с ономастико-просопографической точки зрения¹⁸, мы столкнулись тем, что родственное окружение Андрокла должно было быть отнюдь не рабским, а, мягко говоря, несколько иным. Как стало известно относительно недавно из надписей на нескольких остраконах¹⁹ (черепков, применявшихся в качестве «бюллетеней» для голосования в ходе процедуры остракизма), имя Андрокл (в целом нечастое в Афинах) употреблялось в одной из весьма почтенных семей, где оно чередовалось с именами Андрон и Андротион, содержащими ту же корневую морфему ἄνδρ-. Другие известные члены этой семьи – политик конца V в. до н.э. Андрон, более всего запомнившийся современникам тем, что в 411 г. до н.э. он

¹⁷ Kirchner 1903, 329.

¹⁸ Суриков 2021, 364–372.

¹⁹ Brenne 2002, 48.

выступил обвинителем Антифонта, наиболее радикального олигарха из лидеров режима Четырехсот, и добился вынесения ему смертного приговора (Ps.-Plut. Vitae X or. 833d–834b), а также сын Андрона Андротион, который действовал в IV в. до н.э., тоже занимался политикой, а потом подвергся изгнанию и, находясь в нем, стал историком, написал «Аттиду» – одно из самых заметных произведений аттидографического жанра²⁰.

Более того, есть вероятность, что семья, о которой идет речь, являлась одной из периферийных ветвей знатнейшего рода Филаидов. Само имя «Андрокл» звучит вполне аристократически; согласно легендарной традиции его носил, например, один из сыновей Кодра Афинского, основатель и первый царь Эфеса в Ионии (Pherec. FGrHist. 3. F155). У Аристофана в «Осах» (422 г. до н.э.) Андрокл-демагог упомянут в элитном контексте, как θεωρός, т.е. член священного посольства. В общем и целом, по косвенным данным перед нами вырисовывается человек знатный, но небогатый, иными словами, не только не напоминающий Клеона, но в данном отношении противоположный ему.

Обратимся к некоторым другим демагогам 410-х гг. до н.э. Двое из них впервые появляются на политической сцене в качестве активных деятелей в 415 г. до н.э. – как раз в связи с судебными процессами о мистериях и о гермах, инициированными Андроклом (Andoc. I. 27). Это Писандр и Харикл. Оба они были назначены следователями (Andoc. I. 36) и, выступая в качестве этаких «цепных псов демоса», прилагали все усилия к тому, чтобы искусственно связать два совершенно независимых друг от друга дела в одно, представляющее собой якобы заговор против демократии. В частности, по предложению Писандра были назначены огромные награды доносчикам (Andoc. I. 27); он же выступил с совершенно беспрецедентной инициативой – *пытать* (!) свободных людей, афинских граждан, даже членов Совета Пятисот (Andoc. I. 43).

Позже оба этих «цепных пса» проделали удивительный «политический кулбит», став весьма видными деятелями противоположного, олигархического лагеря. С Писандром это произошло уже весьма скоро: в 411 г. до н.э. он оказывается одним из лидеров переворота Четырехсот и в связи с этим удостоивается от Фукидида следующей характеристики: «...Писандр, который, по-видимому, и раньше был рьяным и откровенным противником демократии» (Thuc. VIII. 68. 1). Когда затем олигархи раскололись на два крыла – умеренное и крайнее, – он был в составе второго (Thuc. VIII. 90. 1), а после свержения Четырехсот ничтоже сумняшеся совершил прямую измену и бежал в спартанский лагерь в Декелее (Thuc. VIII. 98. 1). Дальнейшая его судьба неизвестна.

Что же касается Харикла, он вскоре после выполнения следовательских обязанностей, в 414/413 г. до н.э., занимал пост стратега (Thuc. VII. 20. 1). Потом он надолго пропадает из источников и появляется в них только в 404/403 г. до н.э., когда он был одним из наиболее авторитетных (и радикальных) членов коллегии Тридцати (Xen. Mem. I. 2. 31 sqq.). Этого периода его карьеры мы в рамках данной статьи в целом не касаемся, поскольку она посвящена событиям 410-х, а не 400-х гг. до н.э. Впрочем, один спорный вопрос все-таки представляется необходимым затронуть.

У Исократы (в речи, написанной в середине 390-х гг. до н.э.) есть пассаж, преобладающее толкование которого в литературе, на наш взгляд, нуждается в коррек-

²⁰ Об Андротионе как историке см.: Harding 1994.

тировке. В нем Харикл «был рад по-рабски прислуживать врагам, зато считал себя достойным властвовать над гражданами; в изгнании он предавался бездействию, по возвращении же стал чинить зло своему городу (φεύγων μὲν ἡσυχίαν εἶχεν, κατελθὼν δὲ κακῶς ἐποίει τὴν πόλιν)» (Isocr. XVI. 42). Обычно считается²¹, что под изгнанием Харикла подразумевается изгнание всей коллегии Тридцати из Афин в 403 г. до н.э., после победы демократов Фрасибула в битве при Мунихии (правлящие олигархи бежали тогда в Элевсин, Xen. Hell. II. 4. 24). В таком случае выходит, что впоследствии он вновь вернулся на родину.

Нам крайне трудно с этим согласиться. Напомним, чем завершился в афинском полисе кризис 404–403 гг. до н.э.: соглашением о примирении, в котором объявлялась амнистия, не распространявшаяся, однако, на ряд категорий лиц, а именно на членов коллегии Тридцати, подчиненной ей коллегии Десяти, управлявшей Пиреем, а также коллегии Одиннадцати (Xen. Hell. II. 4. 38). В отличие от двух первых коллегий, являвшихся экстраординарными, последняя, выполнявшая карательные функции, избиралась в Афинах ежегодно²², но тот ее состав, который работал в период репрессивной олигархии, в особенной степени ассоциировался с кровопролитиями. Но дело в другом: Харикл, как мы помним, входил в коллегию Тридцати.

Правда, в соглашении оговаривалось, что даже эти лица, исключенные из амнистии, имеют шанс рассчитывать на нее, «если они представят отчет (ἐὰν διδῶσιν εὐθύνας)» (Arist. Ath. pol. 39. 6). Предполагалось, что в отчете решившийся на него гражданин должен доказывать, что он лично был непричастен к злодеяниям Тридцати. Совершенно точно известно, что попытки такого рода членами коллегии предпринимались. Именно так поступил, например, Эратосфен, о чем известно из направленной против него речи Лисия (Lys. XII). Из той же речи мы знаем, какие доводы приводились им в свою защиту: он утверждал (и, видимо, доказывал), что принадлежал к умеренной «фракции» олигархов, участники которой были «ожесточенными противниками Харикла, Крития и их гетерии» (Lys. XII. 55). Таким образом, если после восстановления демократии умеренные олигархи (так сказать, «фераменовцы») могли еще надеяться на снисхождение, то крайним не стоило даже пытаться добиваться его. Харикл же принадлежал именно к группировке «крайних», возглавлявшейся Критием. К этому последнему он был едва ли не самым близким человеком.

Думается, следует исключить возможность того, что демос простил Харикла в 403 г. до н.э. или несколько позже и позволил ему восстановить афинское гражданство. Очевидно, у Исократа речь идет о каких-то других его изгнании и возвращении, причем, имевших место, естественно, раньше, чем правление Тридцати. Вот каким образом реконструируем ситуацию мы: в 407 г. до н.э. по инициативе демагога Клеофонта была проведена своеобразная «чистка» в гражданском коллективе Афин, сопровождавшейся изгнанием из полиса тех, кто слыл наиболее одиозными противниками демократии и лаконофилами²³. Среди изгнанных тогда был, в частности, тот же Критий (Arist. I. 1375b22), который вернулся на родину в 404 г. до н.э., после окончания Пелопоннесской войны; о Харикле этого экспли-

²¹ Например: Kirchner 1903, 427.

²² Burgess 2005.

²³ Суриков 2011, 253.

цитно не сообщается, но, учитывая его вышеупомянутую близость к Критию, в высшей степени вероятно, что аналогичная участь постигла и его.

Таким образом, в последнее десятилетие V в. до н.э. он явно уже был олигархом. Вот какую эволюцию прошли Харикл и Писандр, еще в 415 г. до н.э. «считавшиеся... людьми в высшей степени преданными народу (δοκοῦντες... εὐνοῦσται εἶναι τῷ δήμῳ)» (Andoc. I. 36). Что интересно, применительно к этим двум в источниках, кажется, не обнаруживается инвективных обвинений в низком происхождении. Харикл у комедиографа Телеклида (ар. Plut. Nic. 4) выводится как жертва сикофантов и в качестве таковой ставится в один ряд с Никием, который слыл человеком вполне почтенным.

Зато уж кого постоянно попрекали пресловутой безродностью – так это Клеофонта. Он, в отличие от рассматривавшихся выше персоналий, является фигурой куда более известной, и именно поэтому на его личности мы остановимся лишь вкратце. А остановиться все-таки необходимо, потому что относительно недавно благодаря такому своеобразному источнику, как остраконы, оказались развеяны два связанных с ним историографических мифа. Первый заключается в том, что Клеофонт являлся именно таким выходцем из самых низов общества, каким его рисует враждебная ему традиция, характерно резюмированная Элианом, который утверждает, будто бы даже имя его отца назвать затруднительно (Aelian. Var. hist. XII. 43), – трудно представить себе более болезненный укол для афинянина классической эпохи. Согласно другому мифу, Клеофонт вступил на демагогическую стезю лишь в 400-х гг. до н.э. (если бы это было так, его и не следовало бы рассматривать в данной статье). В это десятилетие он стал воистину «царем демагогов», но ни о каких фактах его биографии, которые датировались бы временем раньше, чем 410/409 г. до н.э., нарративная традиция не сообщает.

Так что же мы узнали о Клеофонте из остраконов (его имя прочитано на восьми из них²⁴, и все они естественно, относятся к самой последней остракофории, которую в литературе датировали 417, 416 или 415 г. до н.э., причем наиболее вероятной является самая поздняя из этих датировок²⁵)? Во-первых, сам тот факт, что какое-то количество сограждан признало его достойным остракизма, твердо и однозначно говорит: в середине 410-х гг. до н.э. Клеофонт уже занимался политикой и, более того, получил на этом поприще известность. Во-вторых, остраконы дали наконец то самое имя отца Клеофонта, ранее неизвестное ученым, которое, как выразился Элиан, οὐδεὶς ἄν εἴποι ῥαδίως. На части черепков фигурирует полное гражданское имя Клеофонта, с патронимиком и демотиком. И оказалось оно сенсационным: Клеофонт, сын Клеиппида, из Ахарн.

Сенсацию вызвало то, что Клеофонт, который в произведениях комедиографов предстает просто-таки «варваром», то есть даже не греком (например: Aristoph. Ran. 679 sqq.), оказался отпрыском Клеиппида, сына Диния, из Ахарн. Этот последний в 429/428 г. до н.э. занимал пост стратега²⁶, а еще раньше, как показали те же остраконы, являлся серьезным соперником не кого иного, как самого Перикла: в сохранившихся материалах остракофории середины 440-х гг. до н.э. имя

²⁴ Суриков 2006, 546.

²⁵ См. подробное рассмотрение проблемы с указаниями на предшествующую литературу: Суриков 2006, 141–151.

²⁶ Develin 2003, 121.

Клеиппида появляется 124 раза²⁷. Это весьма высокая цифра.

Далее, ранее из некоторых неясных упоминаний в письменных источниках было известно о существовании некоего демагога Филина, о котором толком и сказать было нечего. Теперь имеется один остракон против него, и надпись на нем показывает, что Филин – сын Клеиппида и, стало быть, брат Клеофонта²⁸. Так была открыта целая семья политиков. Параллельно какие-то ее представители могли заниматься и ремесленной деятельностью, продолжая в этом аспекте традицию Клеона и Гипербола. У Клеофонта была мастерская по производству музыкальных инструментов, и Андокид называет его *ὁ λυροποιός* – «лирщик, изготовитель лир» (Andoc. I. 146). Это демонстрирует, что демагогов «новой генерации» нельзя категорически противопоставлять демагогам 420-х гг. до н.э. Черты сходства между ними, безусловно, имелись. Но эти черты сходства как раз и ранее акцентировались в литературе, а вот черты различия, тоже наличествовавшие, как-то упускались из виду, потому мы именно на них здесь и сосредоточились.

Демагог 410-х гг. до н.э., в отличие от своего предшественника, уже, как правило, не является нуворишем-парвеню; он принадлежит к кругам более респектабельным, может быть даже связан со знатью, хотя имеется в виду знать не самого высокого уровня. Этот демагог нового типа почти никогда не стремится быть стратегом, отличаться на военном поприще (возможно, неудачный опыт таких людей, как Лисикл и Клеон, имел определенное значение для подобной перемены подхода); его родная среда – это судебные органы, в них он чувствует себя воистину «как дома».

* * *

Мы переходим к некоторым завершающим обобщениям. Хорошо коррелируют между собой два тезиса, выдвинутых разными учеными независимо друг от друга. С одной стороны, как подметил К. Джойс²⁹, «со времени Клеона до смерти Клеофонта произошло фундаментальное изменение: суды впервые стали полем политических боев между соперничающими полководцами и политиками». Правда, слово «впервые», пожалуй, употреблено здесь чрезмерно категорично. Отдельные случаи использования судов в качестве политического оружия против конкурентов зафиксированы и ранее обозначенного Джойсом хронологического отрезка, – например, в конце 460-х гг. до н.э. группировкой Эфиальта и Перикла против Кимона (Plut. Cim. 14–15). Но нельзя не согласиться с тем, что именно начиная с Клеона интенсивность такого применения дикастериев многократно возросла.

Политизация судебной системы, разумеется, была безусловным злом; с этого и берет исток деградация афинской демократии в охлократию. Доверие к гелиес как гаранту законности подрывалось. Характерно, что судебные преследования особенно часто направлялись против магистратов. Это, помимо прочего, было и в техническом смысле легче всего: каждое должностное лицо по истечении срока пребывания на своем посту должно было сдать отчет (*εὔθυνα*), а процедура при-

²⁷ Суриков 2006, 546.

²⁸ Впервые выкладки о семье Клеиппида, Клеофонта и Филина по данным остраконов были сделаны (и сразу же всеми приняты ввиду безупречной аргументации авторов) в: Vanderpool 1952; Raubitschek 1954.

²⁹ Joyce 2022, 31.

ема такого отчета являлась одним из видов судебного процесса³⁰, что и давало возможность для каких угодно обструкций, поскольку, как известно, при большом желании можно придаться к *любому* отчету, найти в нем те или иные недостатки. Не случайно в числе главных лозунгов противников радикальной демократии присутствовали требования уменьшения самовластия судов и восстановления авторитета магистратов³¹: ведь последние просто не могли чувствовать себя уверенно в условиях, когда над ними постоянно нависал «дамоклов меч» осуждения. В высшей степени показательно, что в период той же олигархии Тридцати дикастории, насколько можно судить, вообще не функционировали.

Выше мы упомянули о двух тезисах; а в чем же заключается второй? Он еще раньше был высказан таким выдающимся специалистом, как Питер Родс³²: демагоги эпохи Пелопоннесской войны развязали настоящую «охоту на ведьм», повсюду отыскивая антидемократические заговоры, и, что самое главное, отыскивая, в общем-то, безосновательно. Это обыкновение идет опять же с Клеона. Выше отмечалось, что именно его пародирует образ «кожевника» во «Всадниках» Аристофана. И вот еще один пассаж из той же комедии (Aristoph. Equ. 626 sqq.):

Придя в Совет, лавины слов грохочущих
Метать он стал на всадников, в измене их
Изобличая; скалы выворачивал,
Пугая, громыхая, убеждая всех.
Совет, такой кислятины наслушавшись,
Насупил брови грозно, набок рот скривил,
Сидел горчицы горше...

«Измена» здесь – вольность переводчика (Адр. Пиотровского), а в оригинале «кожевник»-Клеон называет всадников (т.е. представителей элиты) заговорщиками (ξυνωμοτᾶς). Ясно, что речь идет о (мнимых) заговорщиках против демократии (которые, кстати, действительно могли одновременно восприниматься и как изменники, лаконофилы). А ведь в Клеоновы времена сколько-нибудь реальной опасности олигархического переворота еще совершенно не существовало³³. Перед нами в чистом виде беспочвенное и злонамеренное нагнетание напряженности, сеющее рознь внутри гражданского коллектива, в то время как в обстановке войны с внешним врагом, наоборот, необходима была сплоченность.

Дальше – больше. В контексте процессов о гермах и о мистериях демагогами – Андроклом, Писандром, Хариклом – постоянно поднимался вопрос о пресловутом антидемократическом заговоре. Приведем несколько цитат (из произведений, принадлежащих современникам событий), которые подтверждают это наше предположение. «Афиняне приняли повреждение герм весьма близко к сердцу, считая это происшествие зловещим предзнаменованием для исхода экспедиции (Сицилийской – И.С.), и приписывали его заговорщикам, замышлявшим переворот и свержение демократии (ἐπὶ συνωμοσίᾳ ἅμα νεωτέρων πραγμάτων καὶ δήμου καταλύσεως)» (Thuc. VI. 27. 3). «Всё это дело о гермах и мистериях, казалось им (афинянам – И.С.), указывает на некий заговор для установления в Афинах олигар-

³⁰ Carawan 1987.

³¹ Joyce 2022, 32.

³² Rhodes 2015, 29–30.

³³ Badian 1995, 81; Osborne 2003, 256–257.

хии и тирании (πάντα αὐτοῖς ἐδόκει ἐπὶ συνωμοσίᾳ ὀλιγαρχικῇ καὶ τυραννικῇ πεπραχῆσθαι)» (Thuc. VI. 60. 1). «Они полагали, что знают правду о повреждении герм и были убеждены, что и это преступление, и, тем более, осквернение мистерий являлось частью заговора против демократии, составленного при его (Алкивиаде – И.С.) участии (μετὰ τοῦ αὐτοῦ λόγου καὶ τῆς συνωμοσίας ἐπὶ τῷ δήμῳ ἀπ' ἐκείνου ἐδόκειπραχθῆναι)» (Thuc. VI. 61. 1). Фукидиду вторит Андокид, который знал дела еще лучше, поскольку сам оказался привлечен к следствию и арестован: «Писандр и Харикл... заявили, что случившееся не есть дело немногих лиц, но направлено на ниспровержение демократии (ἐλεγον ὡς εἴη τὰ ἔργα τὰ γεγενημένα οὐκ ὀλίγων ἀνδρῶν ἀλλ' ἐπὶ τῇ τοῦ δήμου καταλύσει), и что следует непременно продолжать начатое расследование» (Andoc. I. 36).

И насколько же это всё соответствовало действительности? На наш взгляд, совершенно прав П. Родс, высказывающий свою позицию так: «Я подозреваю, что эти подозрения (касательно антидемократического заговора – И.С.) были безосновательными, – если и существовали заговоры, то куда вероятнее, что они были направлены против Сицилийской экспедиции и против Алкивиада»³⁴. Фукидид именно так определяет мотивацию демагогов: «Эти люди были особенно озлоблены на Алкивиада за то, что он, стоя у них на дороге, мешает им упрочить свое влияние в народе, и надеялись, изгнав его, занять первое место в государстве. Поэтому они кричали, что и повреждение герм, и кощунственное подражание обрядам мистерий – всё это лишь часть заговора для свержения демократии (ἐπὶ δήμου καταλύσει), а виновник всего этого – Алкивиад» (Thuc. VI. 28. 2).

Да и сами афиняне, если бы действовали тогда, следуя руководству здравого разума, а не в пылу эмоции, рассудили бы по принципу «кому выгодно?». До отплытия на Сицилию оставались считанные дни; инициатором и вдохновителем экспедиции являлся, как всем было прекрасно известно, не кто иной, как Алкивиад. Соответственно, он больше, чем кто-либо был заинтересован в том, чтобы флот отправился в поход благополучно. Ему уж точно не нужен был громкий религиозно-политический скандал с вытекающими из него последствиями.

«Двойной процесс» 415 г. до н.э. – очень яркая иллюстрация того, как судебная система в «эру охлократии» становилась средством сведения политических счетов. Инициаторами такого развития ситуации были, повторим и подчеркнем, демагоги. Но у них этот пример начали перенимать и их враги, представители противоположного лагеря: им просто поневоле приходилось это делать, «с волками жить – по-волчьи выть». И здесь перед нами должна рельефно выступить деятельность Антифонта. Его фигура в данном цикле статей появляется и будет появляться снова и снова, в различных контекстах: она многое объясняет в процессе формирования олигархического движения, освещает этот процесс с нужной стороны.

Антифонт первым среди афинян стал логографом³⁵, то есть начал писать судебные речи для других лиц. Но если в дальнейшем логографией занимались преимущественно для получения материальной прибыли, то этот оратор и политик еще был логографом, так сказать, «идейным»: к нему шли за помощью сотоварищи по убеждениям (Thuc. VIII. 68. 10), да и в целом те, кому грозила опасность пострадать от демоса. Так, в одной из речей (Antiph. V) Антифонт защищает мити-

³⁴ Rhodes 2015, 30.

³⁵ Gagarin 2002, 1–8.

ленинина, обвинявшегося в убийстве афинского клеруха. Но особенно интересна в том аспекте, который сейчас нас занимает, его речь VI «О хоревете». В ней клиент Антифонта – авторитетный афинянин консервативных взглядов (к сожалению, имя неизвестно), враг демагогов, то есть, безусловно, единомышленник автора речи.

Вот как в ней излагается подоплека процесса, для которого она была написана. «...У меня тогда было судебное дело против Аристиона и Филина (имена демагогов – И.С.), которому я придавал большое значение, поскольку я обвинил их посредством исангелии³⁶ и желал истинно, справедливо доказать всё Совету³⁷ и остальным афинянам» (Antiph. VI. 12). А тем временем говорящий был назначен хорегом, и во время репетиций хора один из мальчиков-хоревтов скончался от какого-то данного ему лекарства. Вот тут-то демагоги и подговорили родственников умершего подать на хорега в суд иск о неумышленном убийстве, чтобы избавиться от опасного обвинителя. Этот мотив звучит в речи рефреном: «Филократ (брат мальчика – И.С.) несправедливо предваряет законное решение, обвиняя и оклеветывая меня перед судом в то время, как мне буквально на следующий день предстоят процессы против Аристиона и Филина: именно из-за них он и говорит эти слова» (Antiph. VI. 21). «Я намеревался выступить с обвинением против Аристиона, Филина, Амπεлина и помощника секретаря³⁸ фесмофетов, вместе с которыми они воровали. Я внес против них исангелию в Совет. И у них по их делам не было никакой надежды получить оправдание – таковы-то были их преступления. И они, уговорив этих людей (родственников хорефта – И.С.) возбудить иск и объявить, что мне запрещается находиться в оговоренных законом местах, полагали, что в этом и будет им спасение и избавление от всех забот. Ибо закон гласит так: после того, как против кого-либо возбужден иск об убийстве, этому человеку запрещается находиться в оговоренных законом местах. И я не мог бы преследовать их в судебном порядке, находясь под таким запрещением; а они – поскольку я, внесший исангелию и знающий суть дела, не выступил бы их обвинителем – легко были бы оправданы и не понесли бы от вас наказания за свои преступления. И такую хитрость Филин и другие придумали не против меня первого; еще раньше они так же поступили и с Лисистратом³⁹, как вы сами слышали (Antiph. VI. 35–36).

Обратим внимание на имя Филина, постоянно встречающееся здесь. Это тот самый Филин, про которого выше было сказано, что он, как выяснилось, являлся родным братом знаменитого Клеофонта. Кстати, возможно, что старшим: он был активен уже в самом начале 410-х гг. до н.э., поскольку речь «О хоревете» датируется 419/41 г. до н.э.⁴⁰. У Антифонта была и речь «Против Филина», специально

³⁶ Тип судебного иска, использовавшийся, как правило, для возбуждения процессов по серьезным (часто политическим) преступлениям. Об исангелии см., в частности: Hansen 1975; Кудрявцева 2008, 270 слл.

³⁷ Исангелия подавалась либо в Совет Пятисот, либо непосредственно в экклесию.

³⁸ Помощники секретарей (ὑπογραματοῖς) – низшие должностные лица, содействовавшие магистратам в выполнении их обязанностей. На них лежала в основном техническая работа. Механизм их назначения не вполне ясен, но вряд ли они сами были избранными магистратами. Характерно, что здесь даже не названо имя помощника секретаря; можно предположить, что это было лицо достаточно низкого статуса.

³⁹ Возможно, этот Лисистрат тождественен тому, которого упоминает Аристофан (Vesp. 1302), – что интересно, в качестве лица, близкого к самому Антифону.

⁴⁰ Gagarin, MacDowell 1998, 87–88 (исчерпывающим образом объяснено, почему именно датировка 419/418 г. до н.э. является инвариантной).

направленная против этого демагога. От нее сохранились лишь четыре фрагмента, из которых три малоинформативны, но один представляет интерес: «Феты и фетское сословие. Антифонт в речи «Против Филина» говорит: “...сделать всех фетов гоплитами”» (Antiph. fr. 61 Blass – Thalheim = Harpocr. s.v. Θῆτες καὶ θητικόν). Феты – члены низшего из четырех солоновских имущественных классов – как раз не являлись гоплитами, а служили в рядах легковооруженных и особенно гребцами во флоте. Таким образом, в речи явно говорилось о какой-то радикально-демократической, удобной бедноте инициативе Филина.

Подведем итоги сказанному. В 410-х гг. до н.э. так называемые олигархи, а по сути – просто противники демагогов начали бороться против этих последних их же оружием, через суды. Они создали негласные сообщества, первоначально предназначенные для взаимопомощи именно в судебных делах (ἐπὶ δίκαις, Thuc. VIII. 54. 4). Но уже надвигался 411 г. до н.э., когда эти гетерии вышли из тени и стали напрямую двигать политический процесс в антидемократическом направлении. Эта стадия развития олигархического движения в Афинах, поведшая к установлению режима Четырехсот, будет рассмотрена в следующей статье нашего цикла.

ЛИТЕРАТУРА

- Карпюк, С.Г. 1994: Никий: доблесть политика. *Вестник древней истории* 3 (210), 38–57.
 Карпюк, С.Г. 1998: Гипербол, «человек негодный». *Вестник древней истории* 4 (227), 142–156.
 Кудрявцева, Т.В. 2008: *Народный суд в демократических Афинах*. СПб.
 Суриков, И.Е. 2006: *Остракизм в Афинах*. М.
 Суриков, И.Е. 2008: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии*. М.
 Суриков, И.Е. 2011: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц*. М.
 Суриков, И.Е. 2021: *Античная Греция: Механизмы политической жизни (Opuscula selecta III)*. М.
 Суриков, И.Е. 2024: Из истории афинских олигархических переворотов конца V в. до н.э. I. Пелопоннесская война и внутривнутриполитическое положение в Афинах. *Проблемы истории, филологии, культуры* 1, 134–151.
 Badian, E. 1995: The Ghost of Empire: Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century BC. In: W. Eder (ed.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 79–106.
 Brenne, S. 2002: Die Ostraka (487 – ca. 416 v. Chr.) als Testimonien (T 1). In: P. Siewert (ed.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 36–166.
 Burgess, S.J. 2005: The Athenian Eleven: Why Eleven? *Hermes* 133/3, 328–335.
 Carawan, E.M. 1987: Eisangelia and Euthuna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 28/2, 167–208.
 Develin, R. 2003: *Athenian Officials 684–321 B.C.* Cambridge.
 Fornara, C.W. 1971: *The Athenian Board of Generals from 501 to 404*. Wiesbaden.
 Gagarin, M. 2002: *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin.
 Gagarin, M., MacDowell, D.M. 1998: *Antiphon & Andocides*. Austin.

- Hansen, M.H. 1975: *Eisangelia: The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians*. Odense.
- Harding, P. 1994: *Androtion and the Atthis*. Oxford.
- Joyce, C.J. 2022: *Amnesty and Reconciliation in Late Fifth-Century Athens: The Rule of Law under Restored Democracy*, Edinburgh.
- Kirchner, I. 1901: *Prosopographia Attica. Vol. 1*. Berlin.
- Kirchner, I. 1903: *Prosopographia Attica. Vol. 2*. Berlin.
- Osborne, R. 2003: Changing the Discourse. In: K.A. Morgan (ed.), *Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece*. Austin, 251–272.
- Raubitschek, A.E. 1954: Philinos. *Hesperia* 23/1, 68–71.
- Rhodes, P.J. 2015: Instability in the Greek Cities. In: V. Goušchin, P.J. Rhodes (eds.), *Deformations and Crises of Ancient Civil Communities*. Stuttgart, 27–47.
- Vanderpool, E. 1952: Kleophon. *Hesperia* 21/2, 114–115.
- Wolpert, A. 2006: The Violence of the Thirty Tyrants. In: S. Lewis (ed.), *Ancient Tyranny*. Edinburgh, 213–223.

REFERENCES

- Badian, E. 1995: The Ghost of Empire: Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century BC. In: W. Eder (ed.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Volendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 79–106.
- Brenne, S. 2002: Die Ostraka (487 – ca. 416 v. Chr.) als Testimonien (T 1). In: P. Siewert (ed.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 36–166.
- Burgess, S.J. 2005: The Athenian Eleven: Why Eleven? *Hermes* 133/3, 328–335.
- Carawan, E.M. 1987: *Eisangelia and Euthuna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon. Greek, Roman and Byzantine Studies* 28/2, 167–208.
- Develin, R. 2003: *Athenian Officials 684–321 B.C.* Cambridge.
- Fornara, C.W. 1971: *The Athenian Board of Generals from 501 to 404*. Wiesbaden.
- Gagarin, M. 2002: *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin.
- Gagarin, M., MacDowell, D.M. 1998: *Antiphon & Andocides*. Austin.
- Hansen, M.H. 1975: *Eisangelia: The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians*. Odense.
- Harding, P. 1994: *Androtion and the Atthis*. Oxford.
- Joyce, C.J. 2022: *Amnesty and Reconciliation in Late Fifth-Century Athens: The Rule of Law under Restored Democracy*, Edinburgh.
- Karpuyk, S.G. 1994: Nikiy: doblest' politika [Nicias: politician's virtue]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 3 (210), 38–57.
- Karpuyk, S.G. 1998: Giperbol, "chelovek negodnyy" [Hyperbolos, "a wretched man"]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 4 (227), 142–156.
- Kirchner, I. 1901: *Prosopographia Attica. Vol. 1*. Berlin.
- Kirchner, I. 1903: *Prosopographia Attica. Vol. 2*. Berlin.
- Kudryavtseva, T.V. *Narodnyy sud v demokraticeskikh Afinakh* [Popular Court in Democratic Athens]. St. Petersburg.
- Osborne, R. 2003: Changing the Discourse. In: K.A. Morgan (ed.), *Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece*. Austin, 251–272.
- Raubitschek, A.E. 1954: Philinos. *Hesperia* 23/1, 68–71.
- Rhodes, P.J. 2015: Instability in the Greek Cities. In: V. Goušchin, P.J. Rhodes (eds.), *Deformations and Crises of Ancient Civil Communities*. Stuttgart, 27–47.
- Surikov, I.E. 2006: *Ostrakizm v Afinakh* [Ostracism in Athens]. Moscow.

- Surikov, I.E. 2008: *Anticnaya Gretsia: politiki v kontexte epokhi. Vremya rastsveta demokratii* [Ancient Greece: Politicians in the context of the epoch. The heyday of democracy]. Moscow.
- Surikov, I.E. 2011: *Anticnaya Gretsia: politiki v kontexte epokhi. Godina mezhdousobit' [Ancient Greece: Politicians in the context of the epoch. The time of intestine dissention]*. Moscow.
- Surikov, I.E. 2021: *Anticnaya Gretsia: Mekhanizmy politicheskoy zhizni (Opuscula selecta III)* [Ancient Greece: Machinery of political life (Opuscula selecta III)]. Moscow.
- Surikov, I.E. 2024: Iz istorii afinskikh oligarkhicheskikh perevorotov kontsa V v. do n.e. I. Peloponnesskaya voyna i vnutripoliticheskoe polozhenie v Afinakh [From the history of Athenian oligarchic coups d'État of late 5th century B.C. I. The Peloponnesian War and internal situation in Athens]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 1, 134–151.
- Vanderpool, E. 1952: Kleophon. *Hesperia* 21/2, 114–115.
- Wolpert, A. 2006: The Violence of the Thirty Tyrants. In: S. Lewis (ed.), *Ancient Tyranny*. Edinburgh, 213–223.

FROM THE HISTORY OF ATHENIAN OLIGARCHIC COUPS D'ÉTAT
OF LATE 5th CENTURY B.C. II. DEMAGOGUES AND THEIR
ANTAGONISTS IN THE 410S B.C.

Igor E. Surikov

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
isurikov@mail.ru

Abstract. This study continues a series of articles dealing with antidemocratic coups d'état in Athens in the end of the 5th century B.C. and their historical significance. It is well-known that the camp of Athenian oligarchs in the period of the Peloponnesian War was extremely heterogeneous, which does not further its cohesion. The article poses a question whether the opposite camp, represented by demagogues, was notable for its uniformity and makes a conclusion that the answer to this question should be rather negative. According to the popular opinion, all demagogues were like Cleon, who was in 420s B.C. the most vivid specimen of such a type of politician. However, already demagogues of 410s NC, as the article demonstrates on prosopographical data, had a number of differences from their predecessors (almost there were also features of similarity between them). The demagogue of the new type is not, as a rule, a *nouveau riche parvenu*; he belongs to more respectable circle and may be even connected with aristocracy, albeit not of the highest level. He, unlike a Cleon, almost never aims at being and general and distinguishing himself on the military field; his native milieu is the judicial sphere. Courts in the “era of the *ochlokratia*” frequently became a means of squaring of political accounts. It was demagogues who were initiators of such a development; but their opponents adopted the same methods, what is especially manifest on the example of Antiphon.

Keywords: Classical Greece, Athens, oligarchy, democracy, coups d'état, Peloponnesian War, demagogues, Antiphon, Philinus, court trials